

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЫПУСК III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

С. А. АЗИМДЖАНОВА

ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФЕРГАНЫ НА РУБЕЖЕ XV—XVI ВЕКОВ

Во второй половине XV в. во владениях последних тимуридов большое значение приобрел феодальный институт суюргал. Как известно, для того времени этот термин следует понимать в смысле лена и феода. Представители центральной власти, собирая феодальные владения в единое государство, вместе с тем раздавали его отдельные округа и области своим потомкам а также служилой знати в качестве суюргала.

Тимур (1370—1405) и его преемники—Шахрух (1405—1447), Улугбек (1409—1449), Абу Саид (1451—1469), Султан-Хусейн (1469—1506) и другие—в годы своего правления передали много отдельных земельных участков в суюргал своим сыновьям, внукам, а также представителям власти.

В исторических источниках тимуридской эпохи есть весьма много фактических материалов по этому вопросу. Приводить их нет надобности, так как они общеизвестны и использованы в работах историков-востоковедов¹.

Царевичи тимуридского дома, получив в суюргал какую-нибудь область, приобретали право взимать там в свою пользу все налоги, подати и повинности, поступающие ранее в государственную казну. По сути дела, централизованное государство представляло собой совокупность отдельных уделов, образовавшихся на основе суюргала. Обладатели уделов, являясь одновременно наместниками верховной власти, должны были подчиняться центральной системе управления, однако в действительности они постоянно стремились достигнуть полной независимости своих владений, и это приводило к столкновениям с центральной властью и в значительной степени ослабляло ее силы.

Тимуриды, владевшие уделами, в том числе и Омаршейх в годы управления Ферганой, боролись за независимость своих владений с Султан-Ахмедом, главой тимуридского государства в Мавераннахре. В этой борьбе они опирались на землевладельческую аристократию и на военно-феодальную и духовную знать. В конце XV в. в Средней Азии практически установился порядок службы представителей старозубекской военной знати тому или иному владельцу по своему выбору,

¹ А. Ю. Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, Сб. „Алишер Навои“, Л., 1946; А. М. Беленицкий, К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране, „Историк-марксист“, 1941, № 4 и др.

и обладатели уделов, да и сама центральная власть, чтобы приобрести расположение к себе беков и эмиров, наперебой старались предоставить им больше выгод и привилегий за их службу.

Члены царствующего дома, владея суюргалами, в свою очередь от себя жаловали земли в суюргал состоявшим у них на службе военачальникам и чиновникам. Таким образом, широко практикуемый в тимуридскую эпоху, этот институт продолжал развиваться также и внутри удельных владений, находившихся в вассальном подчинении у верховной власти. Например, одному из крупных эмиров по имени Ваис Лагири Омаршейх отдал Касан¹. Другой эмир, по имени Мухаммед бек Дулдай, был воспитателем младшего сына Омаршейха — Насира мирзы, а затем перешел на службу к Султан-Ахмеду. После того, как Султан-Ахмед в войне с могольским ханом Султан-Махмудом потерпел поражение под Ташкентом в 890 г. х. (1435), этот эмир оставил Султан-Ахмеда и опять возвратился в Андижан ко двору Омаршейха. Последний, чтобы приобрести более прочное расположение эмира Мухаммеда бека Дулдая, отдал ему во владение в качестве суюргала столичный город Андижан².

Таким образом обширные территории Ферганы были розданы эмирам на правах суюргала и составляли категорию так называемых „земель жалованных“.

Служилая знать Ферганы при Омаршейхе и после него, при Бабуре, кроме суюргальных пожалований, пользовалась еще другим типом привилегий, носившим название тархан.

„Под тарханством,—пишет А. Ю. Якубовский,—подразумевается освобождение данной земельной собственности от следуемых с нее платежей в пользу государственной казны. Сама тарханная грамота не предполагает пожалования земли. Тарханство—это освобождение данной земли от всяких обязательств,—и только“³.

Представители староузбекской знати, получив тарханную привилегию, приобретали почетное звание вольного тархана, которое присоединялось к их имени. Вот как определяет Абульгази положение тархана: „Тархан означает такого человека, с которого не берут дани; когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить, он входит и выходит по своему произволу. Если он совершит преступление, то с него до девяти вин не взыскивается. После девятой он уже подвергается взыску. Это право переходит и на его потомство до девятого рода“⁴.

При тимуридах этот вид феодальной привилегии предоставлялся всем категориям феодальной знати по усмотрению центрального дивана. Тарханами могли быть крупные и средние землевладельцы и представители высшего духовенства.

В Ферганском уделе при Омаршейхе и Бабуре люди, носившие титул тархана, повидимому, не пользовались в государстве известностью, как это было в Самарканде при дворе Султан-Ахмеда. Захир-аддин Бабур в своей книге „Бабурнаме“ не называет ни одного тархана, который был бы так же знаменит, как известные Дарвиш Мухаммед тархан, Абу-Али тархан, Баки тархан и Мухаммед Мазид тархан. Пожалование тарханной привилегии удельными диванами

¹ Бабер-наме, изд. в полном тексте Н. И. (льминским), Казань, 1857, стр. 21.

² Там же, стр. 16.

³ А. Ю. Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, стр. 9.

⁴ Родословная тюркского племени, перевод Г. Саблукова, стр. 53 (Библиотека восточных историков, III, часть I, Казань, 1854).

крупной и средней земледельческой знати, военно-феодальным элементам и представителям духовенства было весьма невыгодно для удельных владетелей. Освобождение данных земельных владений от налогов, с одной стороны, заметно сокращало доходы казны удельных владетелей, а с другой,—обогащало представителей господствующих классов. И чем больше они обогащались, тем больше приобретали самостоятельность. Окружив себя военными слугами-нукерами, эти феодалы через короткое время становились непокорными своему сеньеру.

Султан Омаршейх, дальновидный правитель Ферганского удела, хорошо понимал последствия этих феодальных привилегий, и хотя широко раздавал их, но предпочитал освобождать от налогов лишь часть имущества феодалов. Может быть, этим и объясняется, что Бабур не называет ни одного тархана, который по своему положению был бы равен знаменитым самаркандским тарханам.

До нас дошла единственная тарханная грамота султана Омаршейха, выданная 28 шаввала 873 г. (11/V 1469 г.) маргеланскому вельможе Мирсаид Ахмеду. Эта тарханная грамота была передана бывшим казием Маргелана Джанходжи в дар В. В. Бартольду¹ во время его научной поездки в Среднюю Азию в 1902 г. и затем опубликована акад. П. Мелиоранским². Этот документ, написанный уйгурским алфавитом, с одной стороны, служит образцом тарханских грамот³, выданных в конце XV в. тимуридами представителям господствующего класса, с другой, наглядно подтверждает, что уйгурское письмо еще держалось в канцеляриях тимуридов⁴. Согласно грамоте, никто не имел права взимать никаких налогов с принадлежащего Мирсаид-Ахмеду сада и двух кушлуков земли⁵. В 906 г. х. (1500—1501) перед вступлением Бабура в Самарканд, по его приказу, передовые разведки его войска внезапно появились у городских ворот и убили одного из слуг хана Шейбани по имени Фазыл тархан. Рассказывая об убийстве этого тархана, Захираддин Бабур отличает его от представителей военно-феодальной аристократии, носивших такой же титул. „Фазыл тархан,—пишет автор,—не из бекских тарханов. Он был одним из туркестанских купцов-тарханов“⁶. Эти слова Бабура бесспорно свидетельствуют о том, что пожалование тарханства делалось не только представителям военно-феодальных элементов, но и купцам.

Годы управления Омаршейха Ферганой, как уделом в системе централизованного государства Султан-Ахмеда (1469—1494), отличаются от предшествующего времени тем, что в этот период усиливается борьба феодалов против центральной власти. Проф. А. Ю. Якубовский, характеризуя эту эпоху, пишет, что „это—время расцвета в ней феодального общества. В предшествующие века феодализм созрел медленно, иногда с большими перебоями, но никогда не получал такого классического выражения, как после Тимура (1370—1405), при его преемниках—тимуридах. Вся история XV в., если к ней подходить только с точки зрения гражданской, политической жизни,—это время

¹ Доклад акад. В. В. Бартольда на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 16 августа 1902 года („Туркестанские ведомости“ от 25 августа 1902 г.).

² П. Мелиоранский, Документ уйгурского письма Султан-Омар-Шейха (ЗВО, т. XVI, стр. 01—012).

³ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 9

⁴ П. Мелиоранский, ук. соч., стр. 05. Об этом см. А. К. Боровков, „Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка“ (Сб. „Алишер Навои“, изд. АН СССР, 1946, стр. 99).

⁵ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 10.

⁶ Бабер-намэ, стр. 103.

борьбы центробежных феодальных сил против всяких попыток собрать воедино отдельные области в большое феодальное государство¹.

В ходе этой борьбы усиливается роль государственных чиновников и особенно военно-феодальных элементов. Тимуридские источники описывают весьма своеобразный рост и усиление роли последних. Особенно ценные сведения дают записки Бабура, в которых подробно описаны эти феодалы и вскрываются отдельные черты общественно-политической структуры феодального государства в конце правления тимуридов.

Характерной чертой этой эпохи было то, что служба при феодальном дворе данному государю была необязательной. Эмир или бек, будучи связан происхождением, владением земельными имуществами и т. п. с какой-нибудь областью, предпочитал, конечно, служить правителю этой области. Однако служба именно последнему была не обязательна. Эмир или бек мог служить и не ему, а другому, соседу правителю или владельцу².

Характерен жизненный путь одного из крупных государственных деятелей времен Омаршейха и Захираддина Бабура, эмира Канбар Али. О Канбар Али и его деятельности при последних тимуридах — Абу Саиде, Омаршейхе и Бабуре — рассказывают почти все тимуридские историки, особенно много сведений имеется в записках Бабура. По его словам, Хисамаддин Канбар Али бек по происхождению могол. Первоначально он служил при дворе могольского хана Юнуса в должности конюшего³. Согласно Абдарраззаку Самарканди и Хондемиру, в последние годы правления Абу Саида (1451—1469) он был правителем Хисара⁴. В 873 г. (1469), во время похода Абу Саида в Азербайджан против туркмен, Канбар Али бек сопровождал последнего. Канбар Али, придя в Хорасан, по приказанию Абу Саида остановился в Герате. Когда известие о смерти Абу Саида в Карабаге дошло до эмира Канбар Али (2 рамазана 873 г. х., т. е. 17 марта 1469 г.)⁵, он встретил в Герате возвратившегося после сражения царевича Султан-Махмуда. Вместе с другими эмирами Канбар Али изъявил покорность царевичу и на следующий день, в четверг, произнес хутбу в соборной мечети Герата на имя Султан-Ахмеда и Султан-Махмуда.

Хондемир сообщает, что эмир Канбар Али активно участвовал в сражении Султан-Махмуда с Султан-Хусейном в местности Чекмана, ведя бой на левом фланге⁶. После свержения в Хорасане сыновей Абу Саида Султан-Хусейном, последним могущественным тимуридом, Канбар Али отправился в свое владение Хисар⁷, но правил там недолго, так как вскоре в Хисар прибыл из Самарканда Султан-Махмуд мирза в окружении своих приближенных эмиров Ахмед Маштака, Саид Бадада и Хосровшаха⁸. Канбар Али не ладил с придворными Султан-Махмуда, особенно с влиятельным везиром его, Хосровшахом. Недовольный своим положением, он покинул Хисар и поступил на службу к Омаршейху, занимая при его дворе должность конюшего. После смерти Омаршейха он стал служить преемнику последнего

¹ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 3.

² Там же, ук. соч., стр. 12.

³ Бабер-намэ, стр. 19.

⁴ Абдарраззак, ркп. ЛГУ № 157 л. 345 аб, Бабер-намэ, стр. 33.

⁵ Дата у Абдарраззака (ук. ркп., л. 345а).

⁶ Хондемир, Тегеранск. изд., стр. 256.

⁷ Бабер-намэ, стр. 33; Абдарраззак, л. 349а.

⁸ Бабер-намэ, стр. 33.

Захираддину Бабуру. В годы правления Захираддина Бабура в Фергане Канбар Али занял еще более высокое положение и сделался самым богатым человеком в Фергане.

Другой эмир Омаршейха, Хафиз Мухаммед бек, не поладив с андижанскими беками, ушел в Самарканд и поступил на службу к Султан-Ахмеду.

Характерна фигура Абдалкудуса, эмира могольского хана Юнуса. Абдалкудус бек, по словам автора „Тарихи Рашиди“, был родственником эмира Керим Берди Дуглата¹, а по словам Бабура, родственником бека Якуба², и очень влиятельным человеком. По рассказу Мирзы Хайдара, в 877 г. х. (1472—1473) этому эмиру удалось освободить из плена хана Юнуса, убив ташкентского правителя Шейх-Джамала, после чего его авторитет у могольского хана сильно возрос. Хан Юнус его очень уважал, несмотря на то, что Абдалкудус предпочел служить не Юнусу, а правителю Кашгара Мухаммед Хайдару мирзе, сыну Мирсаид-Али. Мухаммед Хайдар хорошо принял его и выдал за него свою дочь, а через некоторое время отправил его в поход против своего двоюродного брата Абу Бекра, владельца Яркенда. Произошло ожесточенное сражение, в котором Абдалкудус был разбит. Гордому эмиру, повидимому, неудобно было возвращаться к Мухаммед Хайдару, и прямо с поля сражения он направил путь на Бадахшан к Султан-Махмуду, сыну Абу Саида. Султан-Махмуд оказал гостю хороший прием и отдал ему управление округом Хуст, который являлся одним из крупнейших округов Бадахшана и Кундуза³.

Судя по запискам Захираддина Бабура, этот эмир действительно служил у Султан-Махмуда мирзы. В 900 г. х. (1494—1495) Абдалкудус прибыл к Бабуру в Андижан в качестве посла Султан-Махмуда мирзы⁴.

Интересно, что эмиры, находившиеся на службе какого-нибудь феодала, приезжая в гости к соседнему владельцу, считали своим долгом участвовать в его войнах.

В 906 г. х. (1500—1501), когда Бабур вел генеральное сражение с войском хана Шейбани в Сарипуле, в этой битве, наряду с другими военачальниками Бабура, участвовал некий эмир Мулла Бабаи.

Мулла Бабаи происходил из селения Пашагир, расположенного в окрестностях Ура-Тюбе, и был нукером ура-тюбинского владельца Мухаммед-Хусейна гургана. Мулла Бабаи не был обязан принимать участие в сражении на стороне Бабура, однако, как гость, он счел для себя долгом встать на защиту последнего. И только после поражения Бабура Мулла Бабаи отправился к своему господину, правителю Ура-Тюбе. Бабур, рассказывая об этом факте, отмечает: „Мулла Бабаи не был моим нукером, он находился при мне в качестве гостя“⁵.

Представители землевладельческой знати Ферганы, носившие почетный титул тархан, были наследственными владельцами земель, которые были освобождены от всяких налогов, податей и повинностей. Эта привилегированная категория земель называлась в Средней Азии, во второй половине XV века *ملك خاصه وخالصه* — т. е. земли частно

¹ Тарихи Рашиди, ркп. ЛГУ № 272, л. 416.

² Якуб главный бек Бабура, правителя Андижана в 900—901 г. х. (1495—1497).

³ The Tarikh-i Rashidi of Mirza Mirza Muhammad Haidar Dughlat, the translation by D. Ross, London, 1895, p. 103.

⁴ Бабер-намэ, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 111.

владельческие, свободные от налогов, не связанные с несением той или другой службы в пользу сюзерена.

„Под именем же „мильке хасс о халес“ разумелись,—пишет А. А. Молчанов,—земельные угодья, пожалованные верховной властью лицам, оказавшим ей те или иные услуги, и освобожденные, в силу особых грамот эмиров или ханов, от всех податей“¹. Таким образом, эти привилегированные категории земель были собственностью старо-узбекской землевладельческой знати, т. е. тарханов.

К числу привилегированных земель относились еще частновладельческие десятинные земли, так называемые „мильки ушри“².

Как известно, к числу привилегированных земель относились еще и земли вакуфные; с этих земель, завещанных их владельцами мечетям и учебным заведениям с „благотворительной и душеспасительной целью“, подати не взимались. Если вакуфные земли находились в аренде у населения, то доходы с этих земель целиком поступали в пользу тех конфессиональных учреждений, которым был завещан вакф. Вакфы освобождались от всех налогов и податей, и представители налогового аппарата даже не имели права появляться на территории их³. „Вакфы в Передней и Средней Азии... до и после монгольского завоевания фактически нередко находились в обладании, сплошь и рядом превращавшемся в наследственное, представителей мусульманского духовенства—казиев, улемов, потомков чтимых суфийских шейхов, образовавших особую группу феодалов, тесно связанных с караванной торговлей и базарами, как центром ремесленного производства. Крестьяне и ремесленники, зависевшие от вакфов и обязанные оброком, создавали основную сумму доходов вакфов и тех представителей духовенства, в чьем ведении эти вакфы находились“⁴.

Крупная земельная собственность, особенно привилегированная, составляла материальную базу всех титулованных и нетитулованных феодалов, светских и духовных⁵. Во второй половине XV в. в государстве тимуридов самым крупным вакуфным землевладельцем, как известно, был глава среднеазиатского суфизма Ходжа Ахрар. Его земельные владения были разбросаны во всех концах Мавераннахра и Ферганы, особенно много их было в окрестностях Самарканда. Здесь ему принадлежал целый ряд селений. Захираддин Бабур под 904 г. х. (1498—1499) отмечает, например, что селение Пашагир, расположенное в Яр-Ялакском тумане, находившееся под властью Мухаммед-Хусейна гургана⁶, принадлежало Ходже Ахрару. Автор „Ра-шахат“ ас-Сафи о земельных владениях Ходжи Ахрара пишет: „Когда автор этих строк вторично явился для лобызания порога святого ишана, он слышал от некоторых управителей (саркардар) ишана, что общее количество возделываемых участков этого святого превышает 1300, и в то же время пришлось заметить, что была произведена покупка несокольких [новых] участков. Хазрет-и Махдум-и Маулана Нуриад-Дин Абд ар-Рахман Джами, да освятит аллах его тайну, намекает на это богатство святого ишана, когда в книге своей „Юсуф и

¹ А. А. Молчанов, К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, Родоначальник узбекской литературы, Сборник статей об Алишере Навои, Ташкент, 1940, стр. 163.

² Там же, стр. 112—113.

³ Там же стр. 165.

⁴ И. П. Петрушевский, Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья (Изв. АН СССР. Отделение общественных наук, 1937, № 7, стр. 8).

⁵ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 10.

⁶ Бабер-наме, стр. 73.

Зулейха" говорит: „У него засеяна тысяча полей, что является [лишь] путевым запасом для прохождения пути в рай“. В то время, когда автор этих строк, направляясь для лобызания порога [ишана] прибыл в Карши и остановился однажды на ночлег у одного из управляющих, последний сказал [следующее]: „В моем ведении находятся поля, расположенные по оросительным каналам (джуйбар) в районе Карши, что составляет только часть из 1300 участков святого ишана“. Я спросил: „Сколько плужных участков возделываемой земли расположено на этой оросительной системе?“—[Управляющий] сказал „Ежегодно на ремонт оросительных каналов выходит по одному человеку от каждого плужного участка и таким образом собирается (в данном районе) три тысячи человек“¹.

Из этого видно, что Ходжа Ахрар был крупнейшим земельным собственником и богатейшим человеком своего времени. Несомненно, что его имения были разбросаны и в уделе Омаршейха. Отношения этого крупнейшего представителя духовенства с Омаршейхом, как отмечает Бабур, были хорошими². Омаршейх очень уважал Ходжу Ахрара, который называл Омаршейха своим сыном. Едва ли будет ошибкой предположить, что Омаршейх свое внимание к Ходже Ахрару выражал в приношении последнему больших подарков, среди которых были и земельные участки³.

Основными производителями в сельском хозяйстве феодальной Ферганы, подобно всем странам средневекового Востока, были крепостные крестьяне. Положение крестьян в Фергане, да и вообще во владениях тимуридов в конце XV в., мало освещено в нарративных источниках. Авторы этих произведений, будучи в подавляющем большинстве представителями господствующего класса, не интересовались положением сельского населения и поэтому о жизни крестьянства на грани XV—XVI в., в эпоху правления Омаршейха и Бабура в Фергане, имеется мало сведений.

Одним из документов, рисующих налоговую практику конца тимуридской эпохи, а тем самым и крестьянских повинностей⁴, является указ Султан-Хусейна, выданный Абдаррахману Джамии (опубликован как в оригинале, так и в переводе А. А. Молчановым⁵). Наряду с этим документом наиболее интересным и более или менее подробно характеризующим положение крестьян и городской бедноты является сочинение на религиозные темы Захираддина Бабура, которое носит название „Мубаййны“. В нем Бабур вместе с рассуждениями религиозного характера рисует реальные отношения в общественной жизни его времени. Особенно большой интерес представляет третья глава, названная „Китаби закят“—„Книга о налоге на имущество, взимаемом в пользу бедных“. В целом она далеко выходит за пределы указанного в заглавии вопроса. Хотя эта книга закончена в 928 г. х⁶. (1521—1522), т. е. спустя 20 лет после ухода Бабура из Ферганы, однако она написана на основании личных наблюдений автора, сделанных в Фергане при жизни его отца Омаршейха, а

¹ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 11

² Бабер-намэ, стр. 8.

³ Как известно из документов, использованных в одной из работ В. Л. Вяткина, Ходжа Ахрар владел землями также в районе Ташкента (В. Л. Вяткин, К исторической географии Ташкентского района, Туркестанские ведомости, № 101, 1900).

⁴ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 12.

⁵ А. А. Молчанов, ук. соч., стр. 158 и сл.

⁶ Мубаййин, ркп. ИВ АН СССР А104, л. 98а

также в период своего правления в Кабуле и в Газне. Эту книгу Бабур намеревался отправить мавераннахрским факихам в надежде, что он получит от них соответствующие дополнения и исправления¹.

Захираддин Бабур управлял Ферганой в то время, когда начались смуты во владениях тимуридов. Вспыхнувшие сразу же после смерти Султан-Ахмеда (1494 г.) феодальные войны вызвали хозяйственный упадок в Мавераннахре и обнищание его населения. Тяжелое положение усугублялось финансовой политикой алчных феодалов. Как известно, в эти смутные годы в Мавераннахре не было централизованного государственного аппарата, который подчинял бы себе все стороны административной жизни. Повсюду увеличился произвол правительственных чиновников (сборщиков податей), которые из личной выгоды осложняли практику взимания государственных налогов. В Фергане в годы правления Бабура не было единой государственной налоговой системы. Ожесточенные феодальные войны и все усиливающаяся жадность ненасытных феодалов, разрушали существующий порядок.

Бабур, не имея сил выдержать натиск узбеков могущественного хана Шейбани, к тому же потеряв все надежды сохранить Фергану под своей властью, направился в Кабул, бывший удел его умершего дяди Улугбека, сына Абу Саида. В 910 г. х. (1505—1506) он без усилий свергнул с кабульского престола Муким Аргуна, сына Зуннун Аргуна, известного полководца Султан-Хусейна. Сделавшись хозяином в Кабуле, Бабур обложил жителей Кабула и Разны налогом в 30000 харваров² зерна, что явилось тяжелым бременем для земледельческого населения этих областей. Бабур указывает на печальные последствия своей политики, приведшей к разорению Кабула и его окрестностей³, и отмечает недовольство и ропот пострадавших крестьян⁴. Недовольны были не только земледельцы, но и кочевники-скотоводы. Племена, жившие в горных районах Кабула, отказались платить этот чрезмерно высокий налог. Узнав об этом от своих сборщиков, Бабур, чтобы поддержать авторитет своей власти, отправился против кочевников с военной силой.

Бабур всегда стремился выяснить причины всяких недовольств, дабы избежать неприятных политических последствий. Разорение Кабульского округа вследствие обложения его жителей таким обременительным налогом и возникшее недовольство и ропот народных масс, повидимому, и побудили Бабура написать главу о налогах в указанном выше сочинении.

Для уяснения характера социальной жизни Ферганы в XV—XVI вв., в частности положения народных масс, весьма ценным является произведение великого узбекского поэта и писателя Алишера Навои „Махбуб ал-Кулуб“—„Возлюбленный сердец“, в котором автор излагает свои наблюдения над жизнью и деятельностью представителей всех слоев современного ему общества. Для определения социальных черт конца эпохи тимуридов особенно ценна первая часть этого произведения, состоящая из сорока глав (فصل). В этой части Алишер Навои „... живописует яркими красками галерею типичных представителей современного автору общества: справедливый и мудрый султан и султан—тиран и невежда, мудрый везир и бесчестный царедворец, муфти и шейх, мударрис и имам, муэzzин и хафиз, музыкант

¹ Мубайини л. 97б.

² Харвар—мера веса.

³ Бабер-наме, стр. 179.

⁴ Там же.

и певец, законовед и астроном, купец и покупатель, крестьянин и ремесленник, птицелов и охотник и, конечно, дервиш и т. п.¹

Зависимый крестьянин был источником дохода всех титулованных и нетитулованных феодалов и духовенства, и Алишер Навои в своем произведении „Возлюбленный сердец“ высоко оценивает труд крестьянина, основного производителя в сельском хозяйстве: „... Крестьяне, если ты о них спросишь, такие люди: благоустройство мира от них, радость жителей мира от них. Что бы они не предпринимали, они приносят стране силу и изобилие.

От того, что крестьянин терпеливо сеет зерно, бог открывает семьсот ворот изобилия: пока посеянное зерно прорастет, пока косят, молотят и собирают урожай, им пользуются насекомые и птицы; степные звери радуются, муравьиные гнезда изобилуют [зерном]... голуби опьяняются [счастьем], жаворонки веселятся дружно; жнец [обеспечивает себя] пропитанием, у собирателя колосьев сияют глаза, хлебопашец добывается желаемого, носильщик достигает своей цели; нищий от этого бывает сытым, семейные также бывают более сыты. От него путнику пища, от него желание соседа. Благодаря ему раскалена печь пекаря и оживлена торговля продавца мукой. Из-за этого обильно пропитание бедняков и достаточна пища приезжих. Благодаря ему у отшельника появляется терпение, а благочестивые хвастаются своим довольством малым; из-за этого в мешке нищего всегда имеется кусок хлеба, а в казне шаха—море товаров и сокровищ“.

Алишер Навои, говоря о земледельческом населении своего времени, употребляет для обозначения понятия крестьянин термин дехкан. Этот термин во времена Алишера Навои, повидимому, не всегда обозначал непосредственного производителя в сельском хозяйстве. Дехканом иногда называли земельного собственника, который не сам трудился на своем участке, а пользовался трудом издольщика. Однако заметна явная тенденция Навои, как и других авторов, применять термин дехкан преимущественно к крестьянам.

Крупные землевладельцы, повидимому, часто скрывали свой общий доход от государственных чиновников—сборщиков податей и старались, таким образом, платить харадж (поземельный налог) в возможно меньшем размере. Алишер Навои, будучи сам крупным государственным деятелем и хорошо зная поведение земледельческой аристократии, раскрыл настоящее лицо этой категории людей. „Землевладелец²... должен быть таким человеком, который был бы лишен жадности, не был бы лжецом и скупым, не отказывался бы платить государственный налог (مال), а также не обижал бы зависимого шарика (издольщика—С. А.)“.

Крестьянин-издольщик, фигурирующий в источниках тимуридского времени под разными названиями — ³برزرگر ⁴شريك ⁵کارنده, как непосредственный производитель занимал значительное место в

¹ А. Н. Кононов, предисловие к кн. А. Навои „Возлюбленный сердец“, М.-Л., 194, стр. 6.

² Алишер Навои в данном случае применяет термин дехкан. Алишер Навои, ук. соч., стр. 47.

³ Термин ³برزرگر встречается только в сочинении Навои „Возлюбленный сердец“, (стр. 46), но на его функциях Навои не останавливается. (О функциях ³برزرگر см. А. А. Гаррицкий „Материалы по земледелию в Афганистане“, сб. В. В. Бартольд—Туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927).

⁴ Навои, ук. соч., стр. 47; также Рашахат, стр. 342.

⁵ Бабер-наме, стр. 173.

сельском хозяйстве в Средней Азии и Иране в XV в. Об этом свидетельствуют слова Захираддина Бабура в четвертом разделе III главы книги „Мубайин“. Остановившаяся на основных земельных налогах — харадже и ушре, он пишет: „Если земледелец способен обрабатывать землю и земля годна для посева и, несмотря на это, она остается неиспользованной, то в таком случае земледелец обязан платить харадж за необработанную землю“. Если человек не в состоянии обработать свою землю, он должен сдать землю на условиях издольной аренды и также платить харадж¹.

Во второй половине XV в. в феодальном обществе тимуридов в какой-то мере имел место в сельском хозяйстве и рабский труд. Со слов Бабура мы знаем, что земли, принадлежавшие военно-феодальным элементам — бекам, обрабатывались не только зависимыми крестьянами, но и рабами, как это имело место в Азербайджане в XV в.² Как отмечает И. П. Петрушевский, такие рабы были в большинстве из числа пленных, называемых персидским термином бардэ, арабским — а с и р.

Согласно Тарихи Рашиди, до эпохи правления могольского хана Юнуса моголы считались мусульманами только по названию. Пленных моголов увозили в соседние страны и продавали в рабство, подобно другим неверным. Это продолжалось, — пишет автор, — до тех пор, пока хан Юнус не встретился с шейхом Ходжа Убайдуллой. Последний написал письмо всем окружающим мусульманским правителям, в котором замечает следующее: „Мы видели султана Юнус хана. Незаконно мучить племя, глава которого такой хороший мусульманин!“ С этого времени, пишет автор Тарихи Рашиди, не было больше ни одного случая, чтобы могол был куплен или продан в мусульманские страны³. Ходжа Ахрар написал такое письмо не потому, что он был против рабства, а потому, что он хотел привлечь моголов на свою сторону.

Это указание Тарихи Рашиди свидетельствует, что в то время пленных немусульман часто обращали в рабство.

Известно, что военная знать Ферганы — беки и эмиры — в своих походах в Моголистан приводили с собою значительное количество пленных, которые становились предметом продажи. Вполне вероятно, что эти эмиры оставляли у себя часть захваченных ими пленных и пользовались их трудом для возделывания своих обширных земель. Согласно книге Бабура, беки, пользовавшиеся трудом рабов в сельском хозяйстве, обязаны были платить налог государству за производимое рабами⁴.

На грани XV—XVI вв. в Фергане рабы были известны под таджикским им термином банда⁵ и под узбекским кул (قول). Фактический материал по вопросу о положении рабов в эпоху правления Омаршейха разбросан по разным источникам. Опираясь на казийские документы XVI в., можно представить себе общее положение этой категории людей. Одна рукопись с такими документами принадлежа-

¹ „Мубайин“ л. 63. Не располагая фактическим материалом, мы не можем определить разные виды и формы издольных аренд, существовавших во владениях тимуридов в конце XV в.

² И. П. Петрушевский, Хамдуллах Казвини, Изв. АН СССР, № 4, 1937.

³ Тарихи Рашиди, стр. 156; В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 87.

⁴ „Мубайин“, л. 56 аб.

⁵ Там же, л. 62а.

ла В. Л. Вяткину. Она содержит в себе 735 документов нотариального и судебного порядка, некоторое количество образцов или форм документов и выписки из шариатских книг, сделанные, повидимому, для справок¹. Эти документы были написаны в период 997—1000 г. х. (1587—1592). По определению издателя этих документов, в это время главным казием (кази ал-кузат) Самарканда и его округа был мавлана Саддык. Заместителем главного казие, написавшим эти документы, был Мулламир, сын Мухаммед Омар бия.

Как видно из документов, рабы составляли полную собственность владельца, который мог продать или купить их. Раб всю свою жизнь, до преклонного возраста, работал на владельца. Характерно, что в большинстве случаев владелец освобождал раба только тогда, когда тот становился неспособным к какому-либо физическому труду. В редких случаях раб мог рассчитывать на получение свободы безвозмездно². Он должен был выкупить себя за деньги. В связи с этим интересен документ № 15, составленный 19 зулхиджа 997 г. х. (30/IX 1589). В этом документе говорится, что некий мавлана Касим, сын ходжи Азиза, освободил своего раба, русского, 60 лет от роду, по имени Юсуф, «ради аллаха всевышнего и ради стремления угодить ему»³. Из этого же документа явствует, что Юсуф попал в рабство, будучи еще мальчиком, и владельцы называли его мусульманским именем Юсуф. Проработав всю свою жизнь, он был освобожден только тогда, когда потерял полностью работоспособность, и только потому, что хозяин не хотел его кормить.

В другом документе (№ 14), составленном в месяце зулка' да 998 г. х. (1590), говорится, что некий Баба, сын покойного мавлана Шах-Мухаммеда, освободил за 160 ханских тенег своего раба, 50 лет, по имени Ибрахим⁴. Таким образом названный Ибрахим вступил в среду свободных людей.

С рабами обращались весьма жестоко и бесчеловечно. По этому поводу авторы XV века сообщают немало случаев. Отметим один из них, наиболее характерный.

Некий Гиясаддин, близкий друг автора XV в. Васифи, однажды проникнув в сад своего товарища по имени Султан-Али, насилует служанку и убивает ножом прибежавшего на ее крик мужа—раба гебра. Хозяин убитого раба заметил только, что неверный раб лишь понес заслуженное наказание⁵.

Как известно, рабский труд в XVI веке в Средней Азии применялся преимущественно на тяжелых работах, чаще всего при сооружении оросительных каналов. Так, В. В. Бартольд рассказывает, что известный мусульманский шейх Мир-Араб, происходивший из Сурана (медресе его имени построено в Бухаре в 942 г. х. (1535—1536), подарил своему родному городу два кариза, вырытых руками 20 индийских рабов⁶.

Однако в какой бы отрасли производства ни был использован рабский труд на грани XV—XVI вв., в Средней Азии он не имел большого значения в экономике, ибо в данное время мы имеем дело уже с пережитками рабовладельческого уклада в высоко развитом феодальном обществе.

¹ Казийские документы XVI в., Ташкент, 1931, стр. 5.

² Там же стр. 48.

³ Известно, что раб иногда получал свободу после смерти своего хозяина. Иногда рабовладелец освобождал раба, желая совершить «бо оугодный» поступок.

⁴ Казийские документы XV в., стр. 48.

⁵ А. Н. Болдырев, Очерки из жизни Гератского общества, ТОВЭ, т. IV, Л., 1937, стр. 337.

⁶ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 148.

Каково же было положение крестьян в Средней Азии, в частности в Фергане, в XV в.?

Вопрос о прикреплении крестьян к земле еще очень мало изучен, ввиду скудости материала. Проф. И. П. Петрушевский установил факт прикрепления крестьян в хулагуидское время. Как он отмечает, прикрепление крестьян, начиная с десятилетнего возраста, производилось одновременно с переписью мужского населения. Людей, внесенных в списки налогоплательщиков и бежавших с места приписки, монгольские власти беспощадно наказывали¹. Прикрепление крестьян к земле было узаконено ярлыком Газан хана в 1303 году.

Для Средней Азии XIV в. мы не располагаем подробным фактическим материалом. Однако у нас нет основания предполагать, что в XIV в. прикрепления крестьян к земле в Средней Азии не было, тем более, что для XV и XVI вв. эта форма зависимости засвидетельствована неоспоримыми документальными данными².

В этом отношении весьма интересна грамота, выданная Камаладдин Максуду—„мир хазору“ арабов³. Она относится к XVI веку. В ней написано: „Где бы в вилайетах и тюменях ни были крестьяне (ра'айа) и издольщики (шарик), да придут они под управление упомянутого в свой курт и да занимаются спокойно законным промыслом. Пусть никто не укрывается (حمایت نشود) и не препятствует“⁴. Здесь уже определенно говорится, что крестьяне не имели права свободного перехода. Едва ли эта практика установилась только в XVI в. Предпосылки для прикрепления крестьян были налицо в Средней Азии значительно раньше.

Какие же тяготы лежали на плечах крестьян как в отношении к феодальному государству, так и к отдельному феодалу?

Захираддин Бабур в книге „Мубаййин“ конкретно перечисляет все виды налогов, взимаемых с крестьян и городской бедноты. По словам Бабура, в его время в государстве тимуридов существовали четыре вида налога: 1) نقدينه—налог, взимаемый с наличных денег, 2) مال—налог, взимаемый с пасущегося скота, 3) مال تجارت—торговый сбор и 4) خراج—налог, взимаемый с земли (т. е. харадж)⁵.

¹ И. П. Петрушевский, О прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, Вопросы Истории, 1941, № 4, стр. 65; см. также Рашидаддин, Сборник летописей, том III, перев. А. К. Аренда, М.—Л., 1946, стр. 293.

² Любопытно отметить, что у Васифи при описании эпизода о возвращении похищенной узбекским эмиром Хусейн бием конгратам красавицы Махджуджук встречается следующий интересный момент, который, как нам кажется, тоже является некоторым подтверждением факта прикрепления крестьян к земле. Переодетые бедными крестьянами, Васифи и его друг Гиясаддин пришли в дом похитителя красавицы с двумя большими корзинами винограда с целью освободить ее хитростью. На вопрос эмира—„Кто вы такие?“—они ответили: „Мы крестьяне (برزکاران) этой бегум. У них в Гуслане (غوسلان) есть сад, которому по прелести нет равного в Хорасане. В саду около пятисот харваров винограда и он весь погибнет!“ Эмир Хусейн сказал: „Не горюйте, этот сад принадлежит теперь мне (تعلق بما گرفته) и вы тоже мне принадлежите (تعلق بما گرفته). Я буду о вас заботиться, а вы пустите для нас виноград на вино!“ (А. Н. Болдырев, Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв., ТОВЭ, т. IV, 1937, стр. 354).

³ Кем выдана эта грамота—неизвестно. По предположению издателя, грамота выдана ханом Убайдуллою, может быть, после событий 1513 года. См. С. А. Волин „К истории среднеазиатских арабов“ (Труды второй сессии Ассоциации арабистов, 1937, стр. 126).

⁴ С. А. Волин, ук. соч. стр. 120.

⁵ Мубаййин, л. 57.

По словам Бабура, основной поземельный налог делился на два вида: один вид назывался ушр, т. е. десятина, и взимался главным образом с урожая садов и со сбора дикорастущих плодов в размере одной десятой части всего получаемого продукта. Второй вид основного поземельного налога был харадж.

Согласно Бабуру, в его время были распространены две формы хараджа — хараджи мукасама и хараджи муаззаф سوء ظن. Хараджи мукасама взимался только натурой в размере от трех десятых до половины урожая. Хараджи муаззаф поступал с земель измеренных. В зависимости от количества земли и выращиваемой на ней культуры, с определенного участка земли взимался ежегодно определенный налог в смешанной форме — деньгами и натурой. По словам Бабура, этого рода харадж взимался с каждого джериба¹ обрабатываемой земли. Бабур, однако, не указывает, сколько именно взимали в его время с одного джериба обрабатываемой земли. Как отмечает проф. А. А. Семенов, в Бухарском ханстве хараджи муаззаф взимали по-разному. „В одних районах по одной тенге и 7 1/2 ф. зерна с каждого танапа обрабатываемой земли, в других — с одного танапа взималась одна тенга весной и одна тенга и 15 ф. зерна осенью, в третьих — взималась половина этого и т. п.“². Хараджи муаззаф в VIII—X веках известен был в арабской литературе под названием харадж мисаха.

Наряду с основными производителями сельского хозяйства — крестьянами, облагались налогом скотоводы-кочевники. Налог, взимаемый по количеству скота, назывался سوايم — саваим³. Захираддин Бабур этому налогу отвел специальную главу. Саваим исчислялся с пасущегося скота (с овец, коз, верблюдов, коров, а также с лошадей, если они паслись), причем в расчет принимались только животные не моложе одного года, кроме того, эти животные должны были пастись на пастбищах не менее полугода⁴.

Рассмотрим в каком размере взимался этот сбор. С владельца стада овец в 40—120 голов взимали одну овцу; от 121 до 200 брали двух; от 201 до 300 — трех. Начиная с 300 голов, владелец платил с каждой сотни овец по одной овце. Такой же налог взимался и за коз⁵. Единицей обложения рогатого скота считалось 30 голов. За 30 голов рогатого скота взимали одно животное трехлетнего возраста. За 60 голов взимали двух животных годовалого возраста⁶. За пять верблюдов взимали одну овцу, за 10 — двух и за 15 — трех овец. С владельца 26 верблюдов полагался один верблюд двухлетний, за 36 верблюдов — один трехлетний, за 46 — один четырехлетний, за 61 — один пятилетний, за 76 — два трехлетних, за 91 верблюда полагалось два четырехлетних и т. д.⁷ Налоговые ставки установлены явно с учетом выгоды богатых владельцев.

¹ Джериб — мера сыпучих тел, употреблявшаяся обычно для зерна имела в разных районах и в разные времена разные значения. Термином джериб обозначалась также и мера площади, участок земли, на посев которого требуется джериб зерна (МИТ, т. I, стр. 67, прим. 5). Джериб во время правления Бабура в Афганистане равнялся 36000 квадратных гзгов. („Мубайин“, л. 63).

² А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 22

³ „Мубайин“, л. 566 и 57 а.

⁴ Там же, 566 и 57 а.

⁵ Там же, л. 98а.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Для времени правления Бабура характерно, что налог, взимаемый по количеству пасущегося скота, уплачивался или натурой, или наличными деньгами, по усмотрению владельца скота. Если владелец уплатил налог не натурой, а наличными деньгами, то такого человека,

как отмечает Бабур, называли му х ай и р о м (مخیر), что значит „свободный в выборе“.

К сожалению, Бабур не указывает ставок этого налога в пересчете на наличные деньги и только говорит, что за 40 лошадей взимали одну лошадь или один мискаль наличными деньгами¹.

На практике не придерживались всех этих установленных норм, и при сборе этого налога со скотоводов установленный порядок грубо нарушался сборщиками податей. Такой произвол стал особенно заметен в Андижанском уделе сразу же после смерти Омаршейха (1494), во время правления Захираддин Бабура, когда стали особенно сильно проявляться сепаратистские стремления феодалов. Для усмирения смут, начавшихся почти по всему Ферганскому уделу, и для отражения нападения внешних врагов Захираддину пришлось содержать большое войско. Так как государственная казна была пуста, а военные расходы неимоверно возросли, то всякий налог, как х а р а д ж, так и с а в а и м, взимался в течение года неоднократно. Скотоводческое население возмутилось против такого произвола ферганских властей, и сборщикам податей, прибывшим на территорию скотоводов, было отказано в уплате. Тогда Бабур применил силу, отправив для сбора налога вооруженный отряд. Об этом событии он рассказывает под 900 г. х. (1494—1495).

„Среди кочевников Андижанской области есть племя чакрак. Это большое племя в пять-шесть тысяч семей. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром. У них много лошадей и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов (яков), которых у них тоже много. Так как их горы непроходимы и находятся на границе, с них трудно собирать налог (مال). Чтобы собрать налог и часть его раздать войску, к племени чакрак отправили Касим бека во главе вооруженного отряда. Касим бек, отправившись туда, собрал с них около 20000 овец и 1500 лошадей и разделил их между войнами“².

Кроме указанных сборов, которыми облагались продукты, производимые сельским хозяйством, в городах практиковался так называемый „торговый сбор“.

Торговый сбор взимался на городских базарах со всех категорий людей, занимавшихся торговлей. В каком размере взимался этот сбор с мусульманского населения городов в эпоху правления Бабура, нам неизвестно. Однако Захираддин Бабур в своей книге сообщает размер торгового сбора с имущества „неверных“ (кафиров). Последних Бабур разделяет на кафиров, состоящих в подданстве данного мусульма-

нского государя, (كافر ذمی) и кафиров, подданных немусульманской страны; (كافر حر بی) с первой категории торговцев взималась 1/20 их дохода, что же касается второй, то Бабур, в соответствии с мусульманским правом предлагает облагать их торговым сбором в размере 1/10 дохода³. Как явствует из слов Бабура, последнее часто нарушалось, в зависимости от отношений между государствами. Вот слова Бабура, обращенные к государственным чиновникам: „Взимайте с них

¹ „Мубаййин“, л. 98а.

² Бабер-намэ, стр. 20.

³ „Мубаййин“, л. 596 и 60а.

столько, сколько взимают они в своей стране с мусульман". „Если в их стране,—отмечает Бабур,—грабят мусульманских торговцев, то вы не поступайте подобно им, а оставляйте им часть их имущества, которое могло бы пригодиться им на обратном пути"¹.

Судя по общему смыслу рассказа Бабура о торговом сборе, в феодальном государстве тимуридов особыми привилегиями пользовались городские купцы, для которых правящие круги ввели ряд мероприятий, защищающих их права. По словам Бабура, торговый сбор не взимался с того, кто покупал вещь с целью продажи².

В третьей главе своего сочинения (كتاب الزكاة — „Книга о закате“) Захираддин Бабур, рассказывая о всех существовавших в его время налогах, для обозначения слова налог применяет термин закят. Как известно, термин закят первоначально обозначал обязательное пожертвование части имущества в пользу бедных. Закят был обязательным для каждого свободнорожденного мусульманина, владеющего бесспорным имуществом, движимым и недвижимым, в размере нисаб³. Таким образом, в эпоху правления Бабура под термином закят понимали не только налог, взимаемый в пользу бедных, а всякий сбор, независимо от того, был ли этот сбор поземельный или торговый, или сбор со скота. Иными словами, термин закят обозначал в широком смысле всякий государственный налог—постоянный и чрезвычайный. Налог же, собираемый в пользу бедных, назывался фитр (فطر). Захираддин Бабур на этом сборе останавливается особо в главе صدقه فطر بياني (Рассказ о милостыне по случаю разговенья после рамазана)

Как известно, этот сбор поступал в пользу нуждающихся людей раз в год по окончании месяца рамазана, перед праздником. Хотя этот сбор, согласно предписанию религии⁴, не был обязательным, но на практике все мусульмане, независимо от того, были ли они крестьянами, ремесленниками, юристами (فقيه) или газиями—борцами за веру, должны были платить этот сбор, если они владели бесспорным имуществом, движимым или недвижимым⁵. Фитр собирался натурой и наличными деньгами через лиц, назначенных представителем духовенства. Размер этого сбора был половина с а' (صاع)⁶ пшеницы, или 360 мискалей наличными деньгами. Хотя этот налог собирался государственными чиновниками „в пользу бедных“, на самом же деле он редко расходовался на нужды последних, а наряду с другими государственными налогами через чиновничий аппарат поступал в государственную казну и, бесспорно, являлся одним из источников ее дохода.

Кроме перечисленных, с крестьян взимали и другие виды налогов. Они нам хорошо известны благодаря тарханной грамоте Султан-Хусейна, выданной Абдаррахману Джами. Согласно этой грамоте

¹ „Мубайин“, лл 596.

² Там же, лл. 596 и 60а.

³ Нисаб (نصاب)—известное количество земли или скота, с которого берется налог زكاة. Нисаб устанавливался обычно юристами страны. См. об этом „Мубайин“, л. 56а.

⁴ Там же, л. 63а.

⁵ Там же, л. 63б.

⁶ По словам Бабура, в его время صاع равнялся четырем батманам зерна, батман равнялся двум ритлям, один ритль равнялся 20 исторам, каждый истор—4 $\frac{1}{2}$ золотникам. (Там же, л. 63б.)

крестьянин, кроме основного поземельного налога—х а р а д ж а, платил еще ряд чрезвычайных налогов, известных под терминами *فاضل* и *عوارضات*¹. По словам Бабура, чрезвычайный налог взимался в то время, когда государство нуждалось в деньгах, поэтому он уплачивался только наличными деньгами для пополнения государственной казны.

С крестьян взыскивались также сборы на содержание феодальной администрации, как-то: составителей окладных листов—*صاحب جمعانه*, лиц, ведающих оросительной сетью (мирабов)—*مير ابانه*, чиновников, учитывающих урожай пашен и садов—*داروغانه*, сборщиков податей—*محصلانه*. Таким образом, в XV—XVI вв. существовал сохранившийся до последних дней Бухарского ханства сложный порядок исчисления натурального налога, требовавший участия большого количества людей. Эти люди не получали от государства никакого денежного содержания и жили за счет земледельца, урывая для себя из его урожая возможно большую долю².

Крестьянин, вопреки мусульманскому праву, платил еще подушный налог—*سر شمار*. Это показывает, что в тимуридскую эпоху существовало два разных правовых принципа: наряду с халифатскими традициями признавалась и яса Чингизхана. Следует попутно отметить, что на сельское население ложились расходы по доставке фуража для высокопоставленных лиц, а в случае их проезда, и предоставление перевозочных средств (*الاغ*).

Кроме уплаты всех этих налогов, крестьянин был обязан выполнять еще ряд повинностей. Самой обременительной повинностью был *бегар* (*بيكار*). При тимуридах крестьяне отбывали барщину на различного рода работах как по требованию государственной власти, так и частных влиятельных лиц. Автор „Рашахат айн ал-хайят“ сообщает, например, что Ходжа Ахрар со своих земель, расположенных в районе Карши, собирал на ирригационные работы, главным образом на проведение каналов, с каждого джуфта земли по одному человеку³.

Все эти налоги и повинности губительно отражались на хозяйстве их плательщиков. Согласно книге Бабура, в его время во владениях последних тимуридов практиковалась отдача сбора налогов на откуп государственным чиновникам⁴, ответственным перед государством за своевременный сбор налогов. Эти чиновники нередко нарушали установленный порядок взимания налогов и обычно в целях наживы облагали налогом крестьянские хозяйства в значительно большем размере, чем полагалось. Это еще больше ухудшало и без того тяжелое положение крестьян и приводило к разорению их хозяйств.

Положение крестьян в Фергане стало особенно невыносимым после смерти Омаршейха (1494), когда в Ферганском уделе начались феодальные смуты. Захираддин Бабур весьма подробно и живо описывает эти события, но оставляет в стороне положение крестьян и городской бедноты, труд которых являлся источником дохода ненасытных феодалов. Как ни скудно освещено положение крестьян в записках Бабура, все же в них упоминаются отдельные факты, по которым, хотя бы в

¹ Термин *عوارضات* есть в тарханной грамоте Султан-Хусейна, а термин *فاضل* встречается в „Мубайин“ Бабура (л. 566)

² А. А. Молчанов, цит. соч., стр. 167.

³ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 14. Рашахат айн ал-хайят, литограф. изд., Ташкент, стр. 243.

⁴ „Мубайин“, л. 56.

общих чертах, можно судить о тяжелом положении крестьян. Как известно, все военные действия между двумя „партиями“ („партией“ Бабура и „партией“ Джахангир мирзы) за овладение Андижанским престолом после смерти Омаршейха происходили за пределами укрепленных городов, в основном в сельских районах, и от этого сильно страдали главным образом крестьяне. Тяжелые налоги в таких условиях окончательно добивали крестьян, доводя их до полной нищеты. Ожесточенные сражения поглощали значительные контингенты войск, ряды которых пополняли обнищавшие крестьяне, что, конечно, сокращало количество рабочих рук в деревне и еще больше ухудшало положение сельского хозяйства.

Как известно по запискам Бабура, в годы смуты в Фергане воюющие стороны обычно не располагали достаточным запасом продовольствия для содержания войска в зимний период. Для удовлетворения потребностей войска обычно грабили бедных и уже разоренных крестьян. И горе было тому, на чьих землях появлялись отряды, отправленные для грабежа населения.

Обе воюющие за андижанский трон стороны, Султан-Ахмед Танбел и Бабур, оказываясь на вражеской территории, прежде всего отправляли вооруженные отряды в окрестные селения за провиантом. Только обеспечив войско продовольствием и фуражом они выступали против врага. Так сделал Бабур в 907 г. х. (1501—1502) под крепостью Навкент¹.

Когда одному из претендентов удавалось завладеть каким-нибудь ферганским городом, то первым делом он отправлял отряды для сбора налога². Победители не интересовались ни положением народных масс, ни экономическим состоянием страны. Они были озабочены только тем, чтобы обеспечить своих нукеров—военных слуг, сопровождавших их в грабительских походах. Недовольство и жалобы народных масс не принимались во внимание правящими кругами, нужды народа не беспокоили их.

В годы смуты в конце XV века во всех владениях тимуридов замечается сильный упадок экономической жизни: эксплуатация крестьян достигла высшей степени, усилился произвол государственных чиновников, сборщиков налогов и откупщиков, развилось взяточничество. В результате тяжелого экономического положения росло число безземельных крестьян. Они бежали в города, чтобы найти себе работу и дневное пропитание. Но и в городах, где число безработных постоянно росло за счет разоренных крестьян, работу найти было трудно³.

Согласно казийским документам XVI в., человек, не располагавший средствами, не мог заняться никаким ремеслом, так как каждый желающий научиться ремеслу должен был заплатить мастеру (устаду) определенную сумму денег, за содержание и обучение⁴.

В источниках XV—XVI вв. простые люди города обозначаются терминами *ارانزل* (чернь)⁵, *اوباش* (низкие люди)⁶, *مسكين* (бедный)⁷, *فقير*

¹ Бабер-намэ, стр. 134.

² Там же, стр. 136.

³ Ввиду отсутствия фактического материала мы не можем описать положение ремесленников во второй половине XV в.

⁴ Казийские документы XVI в., стр. 56.

⁵ Бабер-намэ, стр. 136; Навои, ук. соч., стр. 47.

⁶ Навои, ук. соч., стр. 47.

⁷ Мубайин, л. 60а.

(бедный, беспомощный)¹. Каково было различие между этими группами?

По словам Захираддина Бабура факиры отличались от группы людей, называемых маскин, тем, что они имели возможность заняться ремеслом, но их заработная плата не покрывала их дневных расходов. Маскины же не владели никаким имуществом и не имели возможности заняться ремеслом². Недовольство против господствующих классов обычно зрело среди этой категории людей. В городе они были всегда беспоконным элементом с точки зрения властей и господствующего класса.

Во второй половине XV в. из среды вышеперечисленных категорий выделилась особая группа людей, известных под термином я тим (یتیم), что в переводе значит „сирота“. Я тимы — самая обездоленная часть городской бедноты³. Они являлись инициаторами всех народных восстаний, которые вспыхивали против правящих кругов.

Своими бесстрашными выступлениями они часто беспокоили господствующую верхушку, возможно, даже грабили и убивали своих притеснителей. Алишер Навои резко отзывается о я тимах. Он сравнивает их с бешеными собаками. Вот его слова: „Они лишены человеческого чувства... их девиз — скотство и зверство. Занятие я тимов — убийство. Сами они подобны бешеным собакам, их нож заменяет зубы собаки. Когда они спокойны, они подобны последним, а когда они в гневе — от них убегают сто собак“⁴. По словам Навои, у я тимов нет ни ума, ни религии, ни стыда⁵.

Ясно, почему Навои считает их безумцами: как представитель правящей землевладельческой аристократии, он не мог не защищать интересов феодального класса, хотя и был наиболее передовым человеком своего времени. Он высоко ценил крестьянство, понимая, что их трудом держится основа благополучия общества и государства, уважал труд ремесленников, готов был тем и другим оказывать помощь, однако он был противником народных восстаний, восстаний тех элементов города и деревни, которые спасение видели только в борьбе с оружием в руках. А я тимы всегда были душой народных волнений. Вот поэтому Навои, боясь их влияния на широкие народные массы, стремился возбудить против них всеобщую ненависть.

Восстания этой категории людей в Фергане в последние годы правления Бабура приняли большие размеры. Из записок Бабура известно восстание „бродяг“ в Аксе против чиновников Султан-Ахмеда Танбела. По словам Бабура, оно было до такой степени сильным, что гарнизон Акса не удержал шахристан, отступил в цитадель и заперся в ней⁶. В 907 г. х. (1501—1502) произошло народное восстание в Оше и в Маргелане против правящей верхушки.

Названные нами в настоящей статье источники хотя описывают главным образом политические события в Фергане в конце периода правления последних тимуридов, они все же в некоторой степени помогают уяснить крайне тяжелое положение подавляющей части трудящегося населения — крестьянства, наиболее бесправного и жестоко эксплуатируемого в этот период.

¹ Мубайин, л. 60а.

² Там же.

³ Бабер-намэ, стр. 54.

⁴ Навои, ук. соч., стр. 47

⁵ Там же.

⁶ Бабер-намэ, стр. 136.